

Когда мир культивации наконец объединился и пошел штурмом на вершину горы, они застали этого внушающего всеобщий ужас повелителя демонов: он обнимал каменную стелу Лист Небесного Дракона, восседая на троне, символизировавшем его власть, и неизвестно о чем-то размышлял, словно ему было совершенно плевать на то, что враги уже стояли у ворот.

Впрочем, это было неважно — армия Мира Демонов вот-вот должна была подоспеть, да и он один вполне был способен со всем этим справиться.

Ли Цзиньфэн с некоторым сожалением опустил каменную стелу на трон, а затем с нежностью погладил высеченное на ней собственное имя, озарив лицо улыбкой с непонятым выражением.

— Скоро, я все решу очень скоро, — склонив голову набок, тихо произнес Ли Цзиньфэн, и от этих слов у бесчисленных людей кровь застыла в жилах.

— Демон, сегодня мы вершим волю Небес! — взъярился один из культиваторов, выкрикивая обвинения, после чего множество людей обнажили мечи, словно жаждая разорвать его на куски и сожрать его плоть.

— Стая букашек, — Ли Цзиньфэн обернулся, презрительно усмехнулся, а затем вытянул из-за пояса острый меч.

— Отродье демонов! Чудовище! — кто-то тыкал в него пальцем, разразившись проклятиями.

Ли Цзиньфэн же лишь тихо рассмеялся. Отродье демонов? Ну и что с того, что отродье? Кто сказал, что нельзя ступить на путь демона, раз уж ступил на путь бессмертных?!

Я — порождение демонов? Смешно!

В этом мире сила всегда была превыше всего, и чего стоят эти демонические пути? Если однажды я действительно смогу подняться на самую вершину над мирадами людей, я стану одновременно и демоническим путем, и праведным!

Пусть даже я истреблю всех людей в Поднебесной — пока у меня есть сила, я посмотрю, кто посмеет хоть словом возразить мне!

Глаза Ли Цзиньфэна налились кровью, от его тела непрерывными волнами исходила черная аура, и весь его вид заставлял содрогнуться, напоминая злого духа, выбравшегося из самой бездны.

Тем не менее, этот злой дух находился прямо перед ними, и им поневоле приходилось сражаться лицом к лицу, чтобы предать его мечу.

— Убейте этого демона, верните нашему миру культивации мир и покой! — выкрикнул один из заклинателей и, высоко подняв меч, бросился на Ли Цзиньфэна.

Ли Цзиньфэн простым взмахом отпарировал удар.

Раздался свист — и всего одна вспышка ци меча повергла того воина замертво.

Но тут же вперед бросились бесчисленные другие культиваторы, и на лицах каждого читалось яростное пламя.

— Товарищи! Пусть даже сегодня мы все падём здесь, но пока мы едины, мы сможем омыть

мир культивации нашей кровью и обрести благодатную землю! Товарищи, вперед!

Эти слова воодушевили неисчислимое множество людей, и все заклинатели, словно пчелы, возвращающиеся в улей, или муравьи, спешащие в муравейник, волна за волной устремились в атаку на стоявшего на самой вершине человека.

У всех покраснели глаза, в их мыслях не было места слову отступление, лишь бесконечная жажда битвы. Пусть даже их сил не хватит и на удар этого человека, пусть они погибнут от его руки, но если их кровь способна остановить амбиции демона, всё это того стоило.

— Вперед! За земли, что мы защищаем, за тех, кого мы любим! — чьи-то руки были сплошь испачканы кровью, горячие алые капли непрерывно падали с его одежды, но он высоко держал руку, и зажатый в ней клинок слепяще сверкал кровавым светом.

В самом же сердце поля боя земля уже давным-давно была усеяна трупами. Бесчисленные люди шли вперед, бесчисленные люди падали под ноги врагов, и кровь текла рекой, окрашивая в багровый цвет всю округу.

Даже небо помрачнело под стать этой скорбной и трагичной атмосфере, и наконец, когда вокруг вновь воцарилась тишина, в вышине прогремел раскат грома.

Капля дождя упала на уже онемевшую руку Ли Цзиньфэна, обжигая холодом до самых костей.

Вскоре зачастил редкий дождь.

Поначалу он звучал подобно мерным ударам глухого колокола.

Бам-бам-бам... Бам-бам-бам...

Бесчисленные капли барабанили по Ли Цзиньфэну и окружавшим его телам, постепенно усиливаясь.

Топ-топ-тук...

Топ-топ-тук...

Звуки напоминали быструю мелодию цитра, что била наотмашь, нарастая в своем безумном ритме.

Ли Цзиньфэн закинул голову назад. Всё вокруг него было залито багрянцем, кровь стекала с вершин гор вместе с дождевой водой, и издалека казалось, будто на склонах распустились ослепительные и зловещие алые цветы.

Один из лучших... — пробормотал себе под нос Ли Цзиньфэн. У него больше не оставалось сил поднять меч, и когда он, с трудом выпрямив одеревеневшее тело, поднялся на ноги, клинок с звонким лязгом упал на землю, одиноко и брошенно застыв на камнях.

Шаги Ли Цзиньфэна были нетвердыми, каждый шаг давался медленно, но уверенно. Стоило его стопе коснуться земли, как тело невольно начинало слегка подрагивать. Шаг за шагом.

Точно так же, как в тот день, когда он вышел из Тайной области Пустыни: кровавый след на каждом шагу, он шел, ступая по трупам.

Ли Цзиньфэн дошел до трона, на котором стояла стела Лист Небесного Дракона с высеченным

на ней его именем. Обессилев, Ли Цзиньфэн опустился на колени перед троном и положил ладонь на камень. Лицо его выражало безмятежность перед бурей, словно внутри него сдерживалось нечто такое, отчего всё вокруг казалось непроглядно мрачным.

— Почему ты даже не взглянешь на меня?.. — Ты посмотри на меня! — внезапно закричал Ли Цзиньфэн, крепко сжав обеими руками каменную стелу. Глаза его налились кровью до предела, и из них потекли кроваво-красные слёзы.

— Лжец! Лжец!! — Ли Цзиньфэн вдруг изо всех сил ударил кулаком по каменной стеле.

Раздался глухой удар, и не выдержавшая нагрузки стела разлетелась в пыль.

Картина словно застыла, и всё постепенно вернулось в прежнее спокойствие.

— ...Лжец... — тихо выронил кто-то два слова.

А росший рядом бамбук зашуршал — ш-ш-ш, — словно откликаясь на зов, словно тихо напевая.

[Дзынь! Все данные успешно переданы.]

[Дзынь! Ошибка Системы.]

Когда Хэ И снова открыл глаза, его обдал холодный ветерок, заставивший мужчину слегка удивиться: сейчас он стоял на крыше высотного здания, и ещё один шаг вперёд означал бы неминуемую смерть. Похоже, прежний владелец тела хотел покончить с собой.

Хэ И прыгнул с ограждения, успокоился и внимательно изучил полученную информацию.

Закончив чтение, Хэ И не удержался и выругался сквозь зубы.

Прежний владелец тела был геем. В двадцать лет он сделал каминг-аут перед семьёй, но его родственники придерживались закоренелых феодальных взглядов, считая дикостью, что один мужчина может полюбить другого. Поэтому они повсюду таскали его по больницам и были твердо уверены, что парень психически болен.

Более того, пока он ещё учился, они безумным потоком стали подбирать ему пару, вынуждая ходить на бесчисленные свидания вслепую. Сам по себе Хэ И обладал мягким характером, и жесткая позиция родителей заставляла его раз за разом идти на компромисс.

Сначала на свиданиях появлялись вполне приличные девушки, но спустя три года бесплодных попыток родители окончательно разочаровались в сыне. Наконец окончив учебу, парень съехал, однако так и не смог скрыться от родительских преследований.

Они приходили не только к нему на работу, но и каждую неделю заявлялись к нему домой, чтобы оскорблять и унижать.

— Нельзя ли быть не таким переборчивым? По-моему, прошлая девушка была просто замечательной, на себя-то хоть посмотри!

— У тебя что, завёлся мужчина на стороне? Извращенец! Какая гадость!

— Нынешние девушки на вес золота, неужели ты хочешь, чтобы наш род прервался?!
Неблагодарный сын!

— Работа, работа... Разве работа может родить тебе детей? Сначала создай семью, а потом делай карьеру, сначала семью! Без своего очага никак нельзя! Если ты не женишься и не заведешь детей, зачем мы вообще тебя родили?! Лучше бы я щенка завести умудрилась, от него хоть польза была бы — вон сколько щенков в помете приносит!

Ты просто доводишь нас до смерти!

Каждый новый кандидат, которого родители приводили на смотрины, оказывался хуже предыдущего: среди них были бывшие заключенные, разведенные с детьми и даже продажные женщины, решившие завязать с прошлым. Властные родители даже намеревались напрямую отыскать суррогатную мать, а затем подсыпать первоначальному владельцу тела снотворного, чтобы те поскорее зачали ребенка.

Родители довели первоначального владельца до полного отчаяния, и в конце концов, в двадцать четыре года, под их жестким давлением он женился на женщине, вернувшейся из-за границы.

Эту женщину звали Бай Сяосяо. Судя по имени, довольно интеллигентная особа, на деле же она оказалась грязной и ничтожной тварью.

Перед свадьбой первоначальный владелец вовсе не хотел портить ей жизнь, поэтому с чистым сердцем и подробно выложил ей всю правду о своем положении, прося не губить вслепую собственное счастье ради него.

Однако Бай Сяосяо прельстилась лишь его деньгами и вовсе не собиралась вникать в подробности. Более того, чем честнее он был, тем сильнее он чувствовал свою вину перед ней, а она только и ждала возможности вести после свадьбы разгульную жизнь, а потому твердо решила выйти за него замуж.

Но даже пустив в ход все свои чары после свадьбы, Бай Сяосяо так и не смогла принудить его к близости, и даже начавшаяся зажиточная жизнь постепенно перестала её устраивать.

Сначала она просто ночевала вне дома, но первоначальный владелец, осознавая свою вину, не сказал ей ни единого упрека. Кто же знал, что Бай Сяосяо сядет ему на шею и станет только наглеть, открыто приводя в дом любовников!

Первоначальный владелец, разумеется, пришел в ярость, но Бай Сяосяо осадила его одной лишь фразой: Если бы ты мог удовлетворить меня, стала бы я тебе изменять?! — и он задохнулся от гнева, не смея и слова сказать в ответ. В конце концов, это он был перед ней виноват. В тот же вечер он отправился в бар и пил до беспамятства всю ночь напролет, вернувшись домой лишь на следующий вечер.

С тех пор он стал куда холоднее относиться к Бай Сяосяо, однако, мучимый чувством вины, продолжал исправно выдавать ей щедрые деньги на карманные расходы.

А вскоре Бай Сяосяо неожиданно забеременела!

Для первоначального владельца это стало настоящим громом среди ясного неба. Он-то прекрасно знал, что ребенок не его и является ублюдком от другого мужчины. Но Бай Сяосяо сообразила, что дело не из простых, и опередила его, отправившись прямо к его родителям совестить их новостью о своей беременности и уверяя, что это ребенок первоначального владельца.

Родители, естественно, были на седьмом небе от счастья. Они тут же выделили крупную сумму на сохранение плода и окружили тело Бай Сяосяо самой тщательной заботой. Прежний владелец тела не хотел растить чужого ублюдка, но когда Бай Сяосяо, вскинув подбородок с видом победительницы, презрительно и зло посмеялась над ним, в тот самый момент он всё же сломался.

Наконец Бай Сяосяо родила ребенка. На первый взгляд всё выглядело мирно и счастливо, но на самом деле этот дом уже давно трещал по швам.

Бай Сяосяо оказалась женщиной жестокосердной. К тому же ребенок был не от прежнего владельца, и она боялась, как бы тот не учинил расправу над малышом. Более того, биологическим отцом ребенка был лучший друг прежнего владельца. В конце концов Бай Сяосяо вступила в сговор с этим другом и лишила прежнего владельца работы. Потеряв источник дохода, опустошенный мужчина кое-как добрался домой.

И застал друга в постели с Бай Сяосяо. Последствия такого удара для него были вполне предсказуемы. К тому же Бай Сяосяо, тыча пальцем в лицо прежнего владельца, вовсю орала: — Это ты меня вынудил! Во всем виноват только ты!

Словно живой мертвец, он вышел на улицу, купил несколько бутылок алкоголя и в полном отчаянии поднялся на крышу многоэтажного здания. Вспомнив свою нелепую и жалкую жизнь, он наконец решил покончить с собой и собрался прыгнуть.

В самый момент прыжка контроль над телом перехватил попавнец Хэ И.

Ознакомившись с воспоминаниями, Хэ И помрачнел пуще тучи. Он стиснул зубы, до предела разочарованный слабохарактерностью бедолаги и глубоко сочувствуя его горькой судьбе!

Но, подумав еще немного, он вспомнил старую истину: в каждом заслуживающем жалости человеке есть и за что презирать. В конце концов, если бы не бесконечные уступки и мягкотелость прежнего владельца, разве дошел бы он до самоубийства? С этими мыслями Хэ И тяжело вздохнул, провел рукой по лицу, а уголки его губ тронула горькая, насмешливая улыбка.

— Не переживай. Все обиды, что ты перенес в прошлом, теперь я верну им сполна, одну за другой, — Хэ И почувствовал, как на сердце стало легче. Возможно, это была всего лишь иллюзия, но так или иначе, он собирался отомстить этой парочке мерзавцев!

Потеря работы — не беда. С его-то возможностями найти новое место или даже основать компанию еще лучше прежней — проще простого. Сейчас следовало подумать о другом: как заставить эту парочку заплатить самую высокую цену за содеянное!

Подумав об этом, Хэ И покачал головой: из-за того, что перед перемещением прежний владелец напился, в голове все еще стоял легкий туман.

Помассировав виски, Хэ И спустился с крыши. Он решил поймать такси, чтобы вернуться и забрать свои документы — его тошнило от одной мысли об этих двоих, и он совершенно не хотел видеть их мерзкие физиономии! Однако, возможно, всё дело было в слишком крепком алкоголе: стоило Хэ И оказаться в холле, как его тут же затошнило. Он бросился в туалет и вырвал всё до последнего, хотя вышли лишь одни кислые желудочные соки. Тем не менее, Хэ И чувствовал себя отвратительно, в голове гудело, но он всё же нашел в себе силы открыть кран и смыть все нечистоты.

Пожалуй, прежний владелец тела выпил слишком много, так что Хэ И ощутил, как тело охватывает жар. Он поспешно зачерпнул руками воды, плеснул на лицо и прополоскал рот, как вдруг сквозь шум воды расслышал чьи-то шаги.

Вошедший Жэнь Минжуй сперва нахмурился — он всегда недолюбливал пьянчуг. Но когда в зеркале отразилось красивое лицо стоявшего внутри человека, его шаги замерли. В груди словно вспыхнуло пламя ярости, и в этот миг ему безумно захотелось вцепиться в воротник этого парня и со всего маху пару раз приложить его головой о раковину!

Жэнь Минжуй и сам не понимал, с чего вдруг в нём всколыхнулись такие чувства. Впрочем, этот порыв промелькнул лишь на мгновение — доведись ему действовать на самом деле, рука бы у него, пожалуй, дрогнула.

Тогда он избрал иной путь: подойдя к Хэ И со спины, он постарался придать голосу как можно более мягкий тон:

— Ты в порядке?

Хэ И с трудом повернул голову, сквозь пелену едва разлепляя глаза. Сквозь туман он разглядел довольно привлекательного мужчину, растянул губы в слабой улыбке и тихонько хмыкнул:

— Я-то? Д-да не особо...

Хэ И попытался сделать шаг, но едва оторвал ногу от пола, как рухнул прямо в объятия мужчины.

Жэнь Минжуй тут же подхватил его. Хэ И бессознательно прижался щекой к груди мужчины и даже капризно потёрся о неё, словно поудобнее устраиваясь.

Непонятно почему, но мочки ушей Жэнь Минжуя слегка покраснели, однако он быстро взял себя в руки. Он тихонько окликнул Хэ И пару раз, а не получив ответа, придержал его и вывел наружу.

Ожидавшие снаружи телохранители, увидев, что их босс выходит и при этом поддерживает какого-то человека, дружно остолбенели. Едрить их душу, их босс страдал тяжелейшей формой гермофобии! Обычно он даже здоровался за руку исключительно в белых перчатках, а если снимал их, то потом тщательно оттирал руки по несколько раз — чистота доходила до

абсолютного абсурда!

— Босс, помочь? — один из охранников решил, что к их хозяйшке пристал какой-то пьяница, и услужливо шагнул вперёд. Он уже приготовился взвалить наглеца на плечо и был готов по первому же знаку босса немедленно вышвырнуть этого типа вон. Кто же знал, что их собственная начальница лишь холодно бросит на него взгляд, после чего, поддерживая обнимающего ее Мужчину, зайдет в лифт и поднимется прямо на свой этаж.

Неужели их начальница... собралась устроить ночь любви?!

Ошеломленная толпа телохранителей с загадочными выражениями лиц гадала о поступке своей начальницы.

На самом деле, даже Жэнь Минжуй не понимал, зачем он ввязался во всю эту историю. Изначально он собирался вернуться в свой номер и отдохнуть, но когда проходил через холл, ему показалось, будто нечто невидимое ведет его. Словно поддавшись наваждению, он заглянул в уборную — и именно там столкнулся с Хэ И.

У него была тяжелая форма гермофобии, однако, даже несмотря на то, что капли воды с лица Хэ И испачкали его безупречный костюм, он ничуть не рассердился. Напротив, происходящее показалось ему занятным, а в какой-то мере даже жалким, и он платком тщательно утер капли влаги с лица Хэ И.

Как бы это точнее выразить... Жэнь Минжуй и сам не знал, зачем он все это делает. В конце концов, он уложил Хэ И на кровать, а затем опустился на стоявшее неподалеку кресло и принялся молча наблюдать за спящим Хэ И. Чем дольше он вглядывался, тем сильнее в его глазах вспыхивал странный огонек, и в его голове начали зарождаться мысли, которых там быть вовсе не должно. Жэнь Минжуй никогда ни с кем не встречался, и мужчины, и женщины казались ему примерно одинаковыми. Однако сегодня он неожиданно отреагировал на совершенно незнакомого человека — особенно когда увидел, как лежащий на кровати Хэ И с покрасневшим лицом и видимым неудовольствием трётся о простыню. Жэнь Минжуй тут же отвёл взгляд.

Но стоило его глазам упасть на обувь Хэ И, как у Жэнь Минжуя обострился его неизлечимый педантизм.

Поэтому он с абсолютно невозмутимым видом полностью раздев Хэ И, отнёс его в ванную и там отмыл с головы до пят до скрипа. Затем он натянул на него чистую пижаму, уложил обратно в постель и уже собирался накрыть пледом, как Хэ И внезапно открыл глаза.

Рука, державшая плед, замерла без всякой видимой причины, но Жэнь Минжуй не стал отводить взгляд и прямо посмотрел на Хэ И.

Хэ И, похоже, ещё окончательно не проснулся. Поморгав с полминуты, он надул губы и

пробормотал: До чего же долго я воздерживался — в эротических снах уже даже не против кувыркаться в постели с мужчиной.

Хруп! Жэнь Минжюю показалось, что внутри него что-то надломилось.

А Хэ И, очевидно решив, что всё это ему просто снится, ещё раз внимательно оглядел Жэнь Минжюя. Заметив, что тот невероятно хорош собой и обладает прекрасным телосложением, он без малейших колебаний обхватил его руками за шею и принялся тянуть вниз. Жэнь Минжуй на мгновение растерялся, а когда пришел в себя, Хэ И уже разжал его губы, просунул язык внутрь и принялся вольготно блуждать по рту, то ли дразня, то ли бесцеремонно вторгаясь.

Немного погодя Хэ И, казалось, вдоволь нацеловался, перевернулся и уселся прямо на живот Жэнь Минжюю. Тот отчетливо почувствовал, как нечто твердое и обжигающе горячее уперлось в него. Хэ И с неудовольствием потерся о бугорок, отчего эта штука, судя по всему, стала еще горячее.

Затем Хэ И склонился ниже и вновь принялся целовать его губы, не обходя вниманием уголки рта и подбородок. Дыхание Жэнь Минжюя сделалось необычайно тяжелым, внизу уже вовсю тянуло от болезненного напряжения. Ему страстно хотелось прижать этого юношу к постели и грубо войти в него, но в то же время он находил, что для первой же встречи события развиваются слишком стремительно, и это казалось ему не совсем уместным.

А когда Хэ И наконец разомкнул губы и прихватил зубами кадык Жэнь Минжюя, тот больше не выдержал и опустил руки на талию Хэ И, предвкушая следующий шаг юноши, собираясь в ответ запустить ладони под его одежду.

Но Хэ И словно устал: отпустив кадык Жэнь Минжюя, он потерся щекой о его яремную ямку и крепко уснул.

Жэнь Минжуй так и лежал с отекившим от напряжения телом, выжидая добрые полчаса. Наконец, убедившись, что юноша не собирается продолжать и уже погрузился в сон, он ощутил, как в груди взметнулась буря ярости!

Хватило же смелости разжечь огонь — хватило бы смелости и довести дело до конца!

В душе Жэнь Минжюя разыгралась нешуточная борьба. Сделав несколько глубоких, судорожных вдохов, он решительно оттолкнул Хэ И и отправился в ванную принимать холодный душ. Чтобы ненароком не совершить подлость по отношению к напившемуся человеку, Жэнь Минжуй даже оделся, сел на диван и принялся твердить про себя сутру сердца.

— Цэ-цэ, пустота есть форма, форма есть пустота, пустота не отлична от формы, форма не отлична от пустоты... — непрерывно бормотал Жэнь Минжуй, но стоило его взгляду случайно упасть на юношу в постели, как он властным усилием воли отводил глаза в сторону. В итоге он

проворочался без сна всю ночь.

Когда Хэ И проснулся, голова все еще гудела. Он невольно протянул руку, чтобы помассировать виски, и попытался припомнить события прошлой ночи. Вроде бы его затошнило, и он ушел в туалет, потом, кажется, вырвал и умылся холодной водой, но что было после — он помнил смутно. Поэтому, едва приподнявшись, он опешил, обнаружив на противоположном диване мужчину в строгом костюме, который с мрачным выражением лица и тяжелыми кругами под глазами сверлил его тяжелым взглядом.

— Вы...

<http://bllate.org/book/21671/2235815>